

ТЗ(24к)
С53

Е. Э. СНО.

В степях и садах
Украины.

Малороссы.

1499

КНИЖИ +

Библи
ВИЛЕНСКИ
ШАГО НА
УЧИ
уча
Отд.
№ *1*

Искр *2*

1512089

Автор

Назва

2999x

Место,

1904,

Кол-во

в текста.

-"-

-"-

-"-

-"-

Том

ВМЛ.

Копьол

Примеч

Всесвј

46638

~~412~~

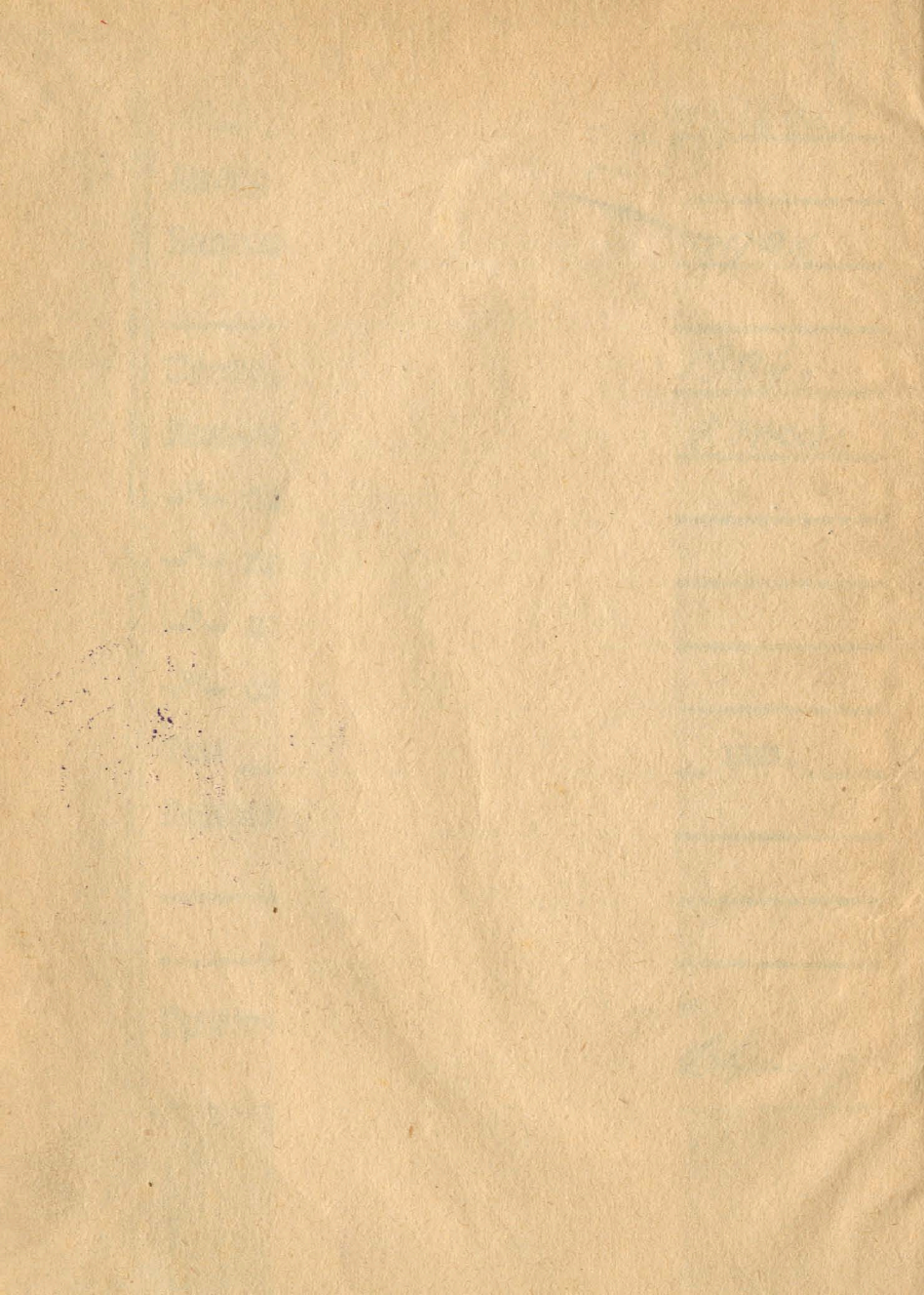
ср.

~~_____~~

БИБЛИОТЕКА
СЛАВЯНО-УКРАИНСКИ

МАДРИДСКИ

A 245616

ТЗ(24к)
с53

ВЪ СТЕПЯХЪ

И

САДАХЪ УКРАИНЫ

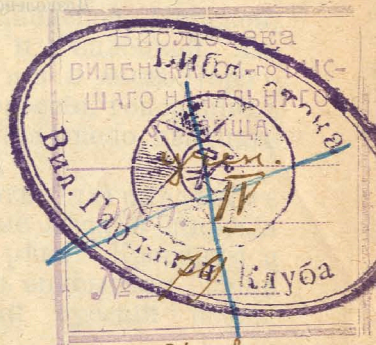
МАЛОРОССЫ

Рк 4512089
и
РЗ

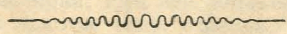
ОЧЕРКЪ

Е. Э. СНО

Съ 1 рисункомъ

инв..
447.

Издательство

С.-Петербургъ

О. Н. Поповой

Хевскій, 54

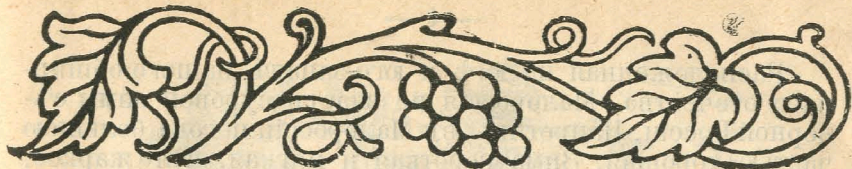
ТЗ(2Ук), 02

+ Т52(23=Ук)

Дозволено Цензурою. Спб., 5 августа 1904 г.

Державна
Республика
Сибиряка УРСР

I

Малороссіей называется часть русскаго государства, занимающая губерніи: Кіевскую, Волынскую, Подольскую, Черниговскую (безъ нѣсколькихъ уѣздовъ), Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую, а также части губерній — Таврической, Гродненской, Минской, Курской, Воронежской, Люблинской и Сѣдлецкой, Хотинскій уѣздъ Бессарабской области и всю землю Черноморскихъ казаковъ. Жителей въ Малороссіи, говорящихъ на малороссійскомъ нарѣчьи, считается около двадцати милліоновъ; всѣ они—православные.

Малороссію справедливо называютъ благодатнымъ краемъ. Есть здѣсь и темные, густые лѣса, и широкія зеленыя степи, и свѣтлыя, чистыя рѣки. Красивую и богатую природу Малороссіи не разъ описывали наши лучшіе писатели. Такъ, извѣстный русскій поэтъ, Алексѣй Толстой, пишетъ:

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышитъ,

Гдѣ рѣки льются чище серебра,

Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,

Въ вишневыхъ рощахъ тонуть хутора,

Среди садовъ деревья гнутся долу,

И до земли виситъ ихъ плодъ тяжелый?

Шумя, тростникъ надъ озеромъ трепещетъ,

И чистъ, и тихъ, и ясенъ сводъ небесъ,

Косарь поетъ, коса звенитъ и блещетъ,

Вдоль берега стоитъ кудрявый лѣсъ,

И къ облакамъ, клубяся надъ водою,

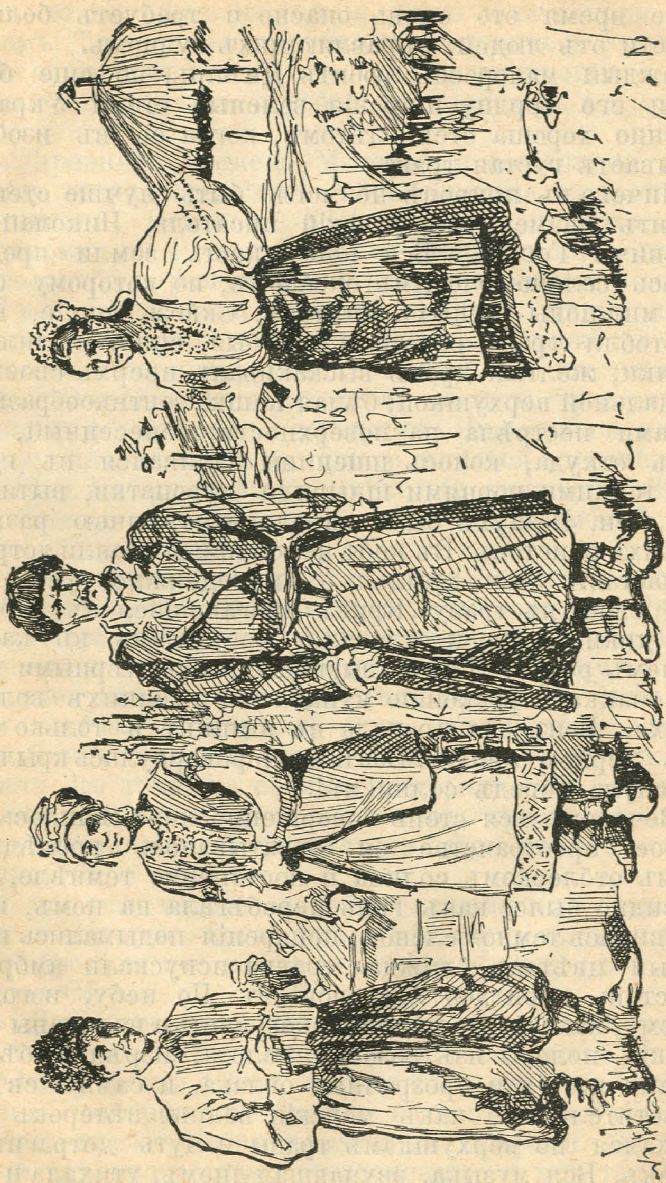
Бѣжитъ дымокъ синѣющей струею?

Расположенная на югѣ и юго-западѣ нашего обширнаго отечества, Малороссія не знаетъ суровой зимы сѣверной Россіи. Напротивъ, въ Малороссіи погода большею частью хорошая. Зима короткая и мягкая, лѣто жаркое, осень теплая.

Почва полей Малороссіи состоитъ преимущественно изъ чернозема и приноситъ хорошіе урожаи. Ежегодно, если не случится какого нибудь особеннаго бѣдствія, — наприимѣръ, сильной бури, града, — малороссъ собираетъ съ полей своихъ много пшеницы, овса, проса, льна и т. п. Кромѣ того, у всякаго почти хозяина есть и огородъ; овощи изъ огорода служатъ подспорьемъ въ пищѣ малороссамъ, а частью идутъ на продажу. Въ садахъ разводятъ фруктовыя деревья — яблони, груши, вишни и др., плоды которыхъ также продаются на ярмаркахъ. Немало воздѣлываютъ свекловицы, которая имѣетъ хорошій сбытъ на сахарные заводы.

Арбузы и дыни также повсюду разводятся въ Малороссіи. Все это способствуетъ тому, что малороссы безъ нужды живутъ въ своихъ веселенькихъ деревенькахъ и могли бы имѣть еще большій достатокъ, если бы вложили въ свое дѣло больше умѣнья и предприимчивости. Но малороссъ не любитъ ничего новаго и обыкновенно все дѣлаетъ по старинѣ, какъ дѣлали его отцы и дѣды.

Хороши густые лѣса Малороссіи, далеко растянувшіеся во всѣ стороны; хороши быстрыя рѣки, шумно катящія свои воды среди зеленыхъ береговъ. Особенно хороша Днѣпръ, о которомъ малороссы сложили немало чудныхъ пѣсень. Днѣпръ — большая рѣка: онъ имѣетъ около 1.700 верстъ въ длину. Его синія воды изобилуютъ рыбой, и кромѣ того по этимъ водамъ Малороссія сплавляетъ свой лѣсъ, а также нѣкоторые товары. Но не вездѣ течение Днѣпра удобно для судоходства. Особенно затрудняютъ путь Днѣпровскіе пороги. Пороги — это ряды каменныхъ грядъ, пересѣкающихъ рѣку во всю ширину. Со страшнымъ шумомъ несетъ вода, стѣсненная камнями, пѣнится и падаетъ съ уступовъ. Только во время весенняго половодья сравнительно легче переправиться черезъ пороги; въ

Малороссы

другое время это очень опасно и требует большой ловкости от людей, управляющих судномъ.

Каждый малороссъ любить Днѣпръ, но еще болѣе дороги его сердцу широкія зеленыя степи Украйны. Особенно хороша степь лѣтомъ, когда ее въ изобилии покрываетъ густая трава.

„Ничего въ природѣ не могло быть лучше степи,— говоритъ знаменитый русскій писатель, Николай Васильевичъ Гоголь.—Вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубыя, синія и лиловыя волошки; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своей пирамидальной верхушкой; бѣлая кашка зонтикообразными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный, Богъ знаетъ откуда, колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ былъ наполненъ тысячью разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался Богъ вѣсть въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ черною точкою! Вонъ она перевернулась крыльями и блеснула передъ солнцемъ!..

„Вечеромъ вся степь совершенно перемѣнилась: все пестрое пространство ея охватывалось послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло, такъ что видно было, какъ тѣнь перебѣгала на немъ, и она становилась темно-зеленою; испаренія подымались гуще; каждый цвѣтокъ, каждая травка испускали амбру, и вся степь курилась благовоніемъ. По небу, изголубатемному, какъ будто исполинскою кистью наляпаны были широкія полосы изъ розоваго золота; изрѣдка бѣлѣли клоками легкія и прозрачныя облака, и самый свѣжій, обольстительный, какъ морскія волны, вѣтерокъ едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть дотрагивался до щекъ. Вся музыка, звучавшая днемъ, утихала и смѣнялась другою. Пестрые суслики выпалзывали изъ норъ

своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Трещаніе кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какого нибудь уединеннаго озера крикъ лебедя и, какъ серебро, отдавался въ воздухѣ...”

Съ древнихъ временъ Малороссія составляла часть русскаго государства, была тѣсно связана со всей русскою землею. Когда въ XIII столѣтіи по Рождествѣ Христовомъ на Русь нагрянули полки дикихъ татаръ, Малороссія была разграблена и разорена особенно сильно. Вся Русь переживала тяжелыя времена. Дикіе татары грабили и разоряли жителей, собирали тяжелую дань и жестоко позорили русскихъ князей. Въ это тяжелое время Малороссія осталась безъ защиты, разоренная, расхищенная злобными дикарями. Ища какой нибудь помощи, она должна была присоединиться къ сосѣднему княжеству Литовскому. Впослѣдствіи княжество Литовское примкнуло къ Польшѣ, а съ нимъ вмѣстѣ примкнула и Малороссія.

Тутъ-то начались страданія малороссійскаго народа. Много горя и обидъ вынесли тогда малороссы. Трудно было имъ сохранить свою вѣру и языкъ среди поляковъ-католиковъ. Крестьяне малороссійскіе, которые были тогда еще крѣпостными, терпѣли особенно много мученій. Случалось нерѣдко, что ихъ господа, желая имѣть больше выгодъ, принимали католичество и принуждали къ тому же своихъ крестьянъ. Но, какъ ни страшень былъ гнѣвъ помѣщиковъ, крестьяне ни за что не соглашались отречься отъ вѣры своихъ отцовъ и дѣдовъ.

Но не всѣ малороссы выдерживали эту тяжелую жизнь: нѣкоторые, когда имъ ужъ очень плохо приходилось, бросали все и бѣжали далеко-далеко, въ Запорожскую Сѣчь.

За Днѣпровскими порогами, на островѣ Хортицѣ, жило тогда многочисленное казацкое войско. Тутъ-то и была Запорожская Сѣчь; отсюда выходили удальцы-запорожцы, совершавшіе набѣги на сосѣднюю Турцію и постоянно воевавшіе съ крымскими татарами. Въ Сѣчь бѣжали всѣ несчастные, обездоленные и всѣ тѣ, кому удалой нравъ не давалъ жить спокойно,—всѣ тѣ, кто

искалъ вольной волюшки, широкаго раздолья. Здѣсь жизнь была весела, шумна, но зато и опасна. Рѣдкій запорожець доносилъ до старости свою буйную голову, — обыкновенно ударъ сабли непріятельской губилъ ее гораздо раньше, когда казакъ былъ еще въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Но не пугали запорожцевъ никакія опасности: война была ихъ удѣломъ, ихъ любимымъ занятіемъ. Радостно бросались они въ битву, выказывали чудеса храбрости и умирали безъ страха, безъ малѣйшаго стопа... Придти въ Сѣчь могъ всякій, лишь бы онъ былъ смѣль да глубоко преданъ православной вѣрѣ и готовъ защищать ее всѣми силами; но, уйдя въ Сѣчь, онъ долженъ былъ бросить все, не могъ взять съ собою ни жены, ни дѣтей. Семьи въ Запорожьѣ не допускалось. Здѣсь были только войны, для которыхъ не существовало на свѣтѣ ничего дороже вольной волюшки, удалыхъ набѣговъ да широкаго веселья.

Если не война, такъ пиръ. И пировали запорожцы съ тѣмъ же удалствомъ, какое выказывали на войнѣ. Пировали иногда по нѣскольку дней, шумомъ своимъ оглашая воздухъ на далекое пространство. Музыка, пѣсни, пляски продолжались непрерывно. Вотъ какъ описываетъ Николай Васильевичъ Гоголь пляску запорожцевъ: „Въ серединѣ толпы музыкантовъ отплясывалъ молодой запорожець, заломивши шапку чортомъ и вскинувши руками. Онъ кричалъ только:—Живѣй играйте, музыканты! Не жалѣй, Гома, горилки * православнымъ христіанамъ.—И Гома, съ подбитымъ глазомъ, мѣрялъ безъ счета каждому пристававшему по огромнѣйшей кружкѣ. Около молодого запорожца четверо старыхъ вырабатывали довольно мелко ногами, вскидывались, какъ вихрь, на сторону, почти на голову музыкантамъ, и вдругъ, опустившись, неслись въ присядку и били, и круто, и крѣпко, своими серебряными подковами плотно убитую землю. Земля гудѣла на всю окружность, и въ воздухѣ далече отдавались гопаки и тренаки, выбиваемые звонкими подковами сапоговъ. Но одинъ всѣхъ живѣй вскрикивалъ и летѣлъ за другими въ танцѣ. Чуприна развѣвалась по вѣтру; вся открыта была силь-

* Горилкой малороссы называютъ водку.

ная грудь; теплый зимній кожухъ былъ надѣтъ въ рукава, и потъ лилъ съ плясавшаго, какъ изъ ведра... Толпа росла: къ танцующимъ приставали другіе, и нельзя было видѣть безъ внутренняго движенія, какъ все отдирало танецъ самый вольный, самый бѣшенный, какой только видѣлъ когда либо свѣтъ, и который, по своимъ мощнымъ изобрѣтателямъ, названъ казачкомъ "...

Польша долго не мѣшала запорожцамъ воевать, какъ они хотятъ, потому что своими войнами они не давали хищнымъ татарамъ врываться въ ея предѣлы. Но зато стычки запорожцевъ съ турками навлекали на Польшу гнѣвъ турецкаго султана. Благодаря этому польскіе короли стали запрещать запорожцамъ начинать войну безъ ихъ разрѣшенія.

Крѣпко не понравилось это запорожцамъ. Слишкомъ привыкли они, никого не спрашивая, тѣшить свои удалыя сердца. Не захотѣли они подчиниться распоряженіямъ Польши—и пошла у нихъ рѣзня съ поляками.

Много славныхъ вождей запорожскихъ погибло во время этой рѣзни; храбро сражались запорожцы, но чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе становилась борьба, такъ какъ поляковъ было гораздо больше. Съ горечью видѣли запорожцы тяжелую жизнь своихъ земляковъ-крестьянъ, обиды, наносимыя имъ, видѣли поруганіе православной вѣры. И страшно дѣлалось на душѣ у нихъ при мысли, что поляки возьмутъ верхъ.

Среди многихъ славныхъ именъ того времени особенно любовью народа пользовалось имя Богдана Хмельницкаго. Жестоко обидѣлъ его одинъ полякъ: отнял у него землю, увезъ жену и на смерть застѣкъ маленькаго сына. Не стерпѣлъ обиды Богданъ,—сталъ онъ призывать своихъ земляковъ на войну съ поляками. Бросился онъ и въ Запорожье, раскрылъ передъ казаками свое горе и огненными рѣчами заставилъ ихъ подняться на войну съ Польшей. Запорожцы глубоко къ сердцу приняли обиду Богдана; понравились имъ его рѣчи, и война, утихнувшая было, загорѣлась снова.

Въ этой войнѣ главою запорожцевъ былъ Богданъ Хмельницкій. Много храбрости выказалъ онъ во время войны; но не потому помнить его до сихъ поръ земля русская. Богданъ Хмельницкій понялъ, что Малороссія

нуждается въ сильной защитѣ, понять, что не по силамъ ей бороться съ Польшей безъ всякой помощи. Понялъ онъ также и то, что вѣрной и сильной защитой Малороссіи можетъ быть только русскій царь. Царемъ русскимъ былъ тогда Алексѣй Михайловичъ. Къ нему-то и обратился Богданъ Хмельницкій съ просьбой принять Малороссію въ свое подданство,—и согласіе царя спасло прекрасный, богатый край, дало ему вѣрную опору. Въ 1654 году Малороссія присоединилась къ Россіи и съ тѣхъ поръ составляетъ часть русскаго государства.

Богдану Хмельницкому, такъ много потрудившемуся на благо своей родины, поставленъ памятникъ въ городѣ Кіевѣ. Здѣсь, на площади, красуется мощная фигура храбраго героя малорусской земли; Хмельницкій изображенъ сидящимъ на конѣ.

II

Въ лѣтній солнечный день пройдемся по малоросійской деревнѣ, посмотримъ, какъ живетъ нынѣшній малороссъ. Уже издали, глядя на деревню, особенно съ горы, удивляешься, какъ много здѣсь зелени. Хаты разбросаны довольно далеко одна отъ другой, и каждая окружена садомъ и огородомъ. Зеленъ придаетъ деревнѣ веселый, нарядный видъ. Особенно красивы тополи, встрѣчающіеся во многихъ садахъ. Тополь—высокое дерево, всѣ вѣтви котораго тянутся вверхъ. Его очень любятъ малороссы, но еще болѣе любятъ они вишневые деревья, которыя непременно увидишь въ каждомъ садикѣ, или „сабочкѣ“, какъ его обыкновенно называютъ. Имѣтъ „вишневый сабочекъ“—завѣтное желаніе каждаго малоросса. И надо видѣть, съ какою любовью и старикъ, и молодые ухаживаютъ за своимъ маленькимъ садомъ, оберегая деревья отъ вредныхъ гусеницъ, сажая простенькіе цвѣты, расчищая дорожки и т. п.

Мы остановились у первой хаты. Привѣтливо выглядываютъ изъ-за зелени деревьевъ ея небольшія оконца; въ сабочкѣ все уютно и опрятно. Двѣ грядки заняты скромными цвѣтами, которые очень любятъ малороссы. Тутъ и душистый горошекъ, и настурціи, и маргаритки...

Въ глубинѣ сада, на крыльцѣ, виднѣется фигура молодого хозяина. Онъ, повидимому, отдыхаетъ и съ удовольствіемъ куритъ свою короткую трубку — люльку. Но, увидя насъ, съ обычною у малороссовъ привѣтливостію, онъ подходитъ и приглашаетъ зайти въ его хату. Движенія его медленны и полны достоинства. Торопиться—совсѣмъ не въ характерѣ малоросса. Онъ и говоритъ также медленно, неохотно вынимая изо рта свою любимую люльку.

Пока молодой хозяинъ стоитъ передъ нами, мы успѣемъ познакомиться съ его наружностью. Волосы и глаза у него темные, какъ у большинства малороссовъ; смуглое, загорѣлое лицо имѣетъ довольно суровое выраженіе; усы опущены внизъ; голова острижена въ кружокъ. Крѣпкая, мощная фигура полна силы, хотя малороссъ и не высокъ ростомъ. Рубашка изъ домашняго полотна, вышитая у ворота, полотняные же необъятно широкіе штаны да большая соломенная шляпа — „бриль“ — составляютъ его одежду.

Иногда, въ менѣе жаркую пору и по праздникамъ, малороссы носятъ сверхъ рубахи полукафтанъ, который они называютъ „свиткой“, „юпкой“ или „опанкой“. Зимой, кромѣ того, одѣвается еще и теплый кожухъ; вмѣсто шляпы зимою носятъ мерлушковыя высокія шапки.

Но послѣдуемъ приглашенію гостепріимнаго хозяина, зайдемъ въ его хатку. Снаружи она такъ чисто выбѣлена, что глазъ невольно радуется. Широкая соломенная крыша составляетъ вокругъ хаты просторный навѣсъ, подъ которымъ можно работать и въ дурную погоду. Хата окружена насыпью, которую поддерживаютъ колышки. Эта насыпь, „призба“, зимою служитъ для предохраненія отъ холода, а лѣтомъ замѣняетъ собою скамейку.

При входѣ въ хату нужно сильно нагнуться, такъ какъ дверь очень низка; зато порогъ, напротивъ, очень высокъ, и о него легко споткнуться. Мы входимъ прежде всего въ „сіны“, какъ называютъ малороссы сѣни. По одну сторону сѣней находится собственно хата, а по другую—камора, гдѣ сложена провизія, стоятъ бочки, мѣшки, хранятся мука, крупа, сало, деготь и др. припасы. Въ углу сѣней сложены земледѣльческія орудія;

по стѣнамъ висятъ веревки, упряжь; тутъ же, въ сѣняхъ, стоитъ кадка съ водой.

Но вотъ мы и въ хатѣ. Здѣсь довольно прохладно, несмотря на жаркій лѣтній день. Этому много способствуетъ глиняная обмазка и внутри, и снаружи. Кромѣ того малороссійскія хозяйки нерѣдко обрызгиваютъ полъ водой и посыпаютъ его пахучими травами. Въ хатѣ — чистота и порядокъ. Стѣны, потолокъ, печь — все чисто выбѣлено.

Народу очень немного: хозяйка да ея трое маленькихъ дѣтей. Это удивляетъ человѣка, бывавшаго въ великорусскихъ деревняхъ, гдѣ въ каждой избѣ живетъ многочисленная семья. Но въ Малороссіи взрослые сыновья обыкновенно послѣ женитьбы отдѣляются отъ отца и братьевъ и живутъ своимъ домкомъ. Потому-то здѣсь большія семьи рѣдки.

Привѣтливо встрѣчаетъ насъ молодая хозяйка. Невысокая, полная, она гораздо живѣе своего мужа. Большіе черные глаза ея очень красивы; красиво и смуглое лицо съ яркимъ румянцемъ на щекахъ. Особенную привлекательность этому лицу придаетъ веселая, добродушная улыбка. Хозяйка одѣта по домашнему, но сорочка ея все же разукрашена цвѣтной вышивкой — ея собственной работы; на шеѣ красуется нитка бусъ; короткая красная юбка дополняетъ этотъ простой костюмъ. Ноги — босыя и у хозяйки, и у дѣтей, которыя, сидя на полу, исправно жуютъ хлѣбъ, данный имъ матерью.

Усадивъ насъ на скамью, гостепріимная хозяйка тотчасъ же принесла кувшинъ холоднаго молока, которое такъ прекрасно утоляетъ жажду. „Дай, Боже, здоровья пивши!“ — съ поклономъ говорить она, наливая намъ полныя рюжки.

Вообще она, какъ большинство малороссійскихъ женщинъ, очень словоохотлива и охотно вступаетъ съ нами въ разговоръ. Но, разговаривая съ нею и попивая молоко, мы въ то же время спѣшимъ оглядѣть всю обстановку хаты. Много мѣста занимаетъ большая печь, которая помѣщается въ углу, у двери. Въ противоположномъ углу стоитъ столъ, покрытый скатертью; надъ нимъ прибита небольшая полочка, такъ называемый „божникъ“. Здѣсь въ строгомъ порядкѣ, убранныя цвѣтами, стоятъ

иконы. Передъ ними виситъ лампадка, къ которой внизу прикрѣплено цвѣтное яйцо — „писанка“. Вообще эта полочка — гордость хозяевъ, и на украшеніе ея положено немало заботъ, немало и трудовыхъ грошей. Вдоль стѣнъ идутъ лавки. Тутъ же стоитъ и небольшой шкапикъ, „мысликъ“, наполненный чистой, аккуратно вымытой посудой.

Эта чистота, этотъ порядокъ замѣтны въ большинствѣ малороссійскихъ хатъ. На всемъ видна работа хозяйки, и дѣйствительно, малороссіянка — удивительная труженица. Дѣло въ рукахъ у нея такъ и горитъ. А между тѣмъ этого дѣла много, очень много, нерѣдко значительно больше, чѣмъ у мужчинъ. Дѣло мужчины — „человіче діло“ — только въ полѣ; все остальное — женское или „жіноче діло“.

Еще съ тѣхъ временъ, когда казачество отвлекало такъ много малороссовъ въ Запорожскую Сѣчь, малороссійская женщина приучилась не бояться никакой работы. Трудолюбивая, сильная, несмотря на малый ростъ, она умѣла справиться со всѣми своими многочисленными обязанностями.

И нынѣшняя малороссіянка — такая же труженица, способная работать, не покладая рукъ. Каждый день, едва лишь станетъ разсвѣтать, хозяйка уже на ногахъ и, не теряя времени, принимается за дѣло. При этомъ она почти всегда удивительно весела, бодра; пѣсня часто цѣлый день не умолкаетъ, помогая ей работать.

Такъ какъ, согласно обычаю, каждая малороссійская семья живетъ отдѣльно, то у хозяйки нѣтъ никакой помощи, — она должна все сдѣлать сама. Правда, есть семьи, гдѣ взрослые дочери помогаютъ матери, но дожидаться такихъ дочерей нелегко, а молодымъ хозяйкамъ, у которыхъ дѣти — маленькія, приходится чрезвычайно трудно.

Вскочить такая хозяйка чуть свѣтъ, — надо воды нанести изъ колодца или съ рѣки, надо корову подоить, мужу состряпать какойнибудь полдникъ. А тамъ одинъ ребенокъ закричалъ; этого уняла, — другой начинаетъ. Всѣхъ надо накормить, успокоить. Затѣмъ новая работа въ огородѣ, а то и въ полѣ, стряпня, шитье, тканье и т. п.

День за днем, идутъ своей чередой, вѣчно заставляя малороссійскую женщину погруженной въ тяжелый безконечный трудъ. Но рѣдко она жалуется на свою долю, — большею частью, напротивъ, она исполняетъ работу весело.

Зато и уваженіе къ женщинѣ у малороссовъ очень велико. Жена у нихъ — другъ мужа; а нерѣдко встрѣчаются и такія семьи, гдѣ мужъ охотно слѣдуетъ распоряженіямъ своей жены, предоставляетъ ей рѣшать болѣе важныя дѣла. Это происходитъ отъ того, что малороссійскія женщины гораздо живѣе и предприимчивѣе мужчинъ.

Конечно, и мужчинамъ приходится немало работать. Малороссовъ часто называютъ лѣнливыми, но это далеко не справедливо. Напротивъ, въ работѣ малороссъ очень настойчивъ и никогда не броситъ дѣла, не кончивъ его. Онъ только не любитъ торопиться, дѣлаетъ все медленно, спокойно, но хорошо. Правда, любитъ онъ и отдохнуть, любитъ полежать неподвижно на спинѣ, особенно въ саду или въ полѣ, глядя въ чистое синее небо Украины. Но такой отдыхъ малороссъ позволяетъ себѣ только въ свободное время.

Про малороссовъ можно только сказать, что они мало предприимчивы. Они почти всѣ занимаются земледѣліемъ, причѣмъ во всемъ берутъ примѣръ со своихъ отцовъ и дѣдовъ, не заботясь придумать ничего новаго. Рѣдко случается, чтобы малороссъ внесъ какія нибудь улучшенія въ свое хозяйство, — обыкновенно онъ поступаетъ по обычаямъ старины, хотя бы отъ этого работа была тяжелѣе. При земледѣльческихъ работахъ главнымъ помощникомъ крестьянина въ Малороссіи служить воле. Это умное, добродушное и сильное животное пользуется большою любовью своего хозяина. Тучная черноземная почва полей требуетъ глубокой распашки, и поэтому у малороссовъ въ ходу тяжелые, большіе плуги, которые нерѣдко тащатъ двѣ и три пары воловъ. Но такіе плуги неудобны потому, что у очень немногихъ, — богатыхъ — хозяевъ встрѣчается больше одной пары воловъ. Часто нѣсколько хозяевъ собираются вмѣстѣ для полевыхъ работъ; одинъ изъ нихъ — обыкновенно тотъ, который

можетъ дать больше воловъ—управляетъ работами; другіе ему помогаютъ. Болѣе бѣдные хозяева часто собираютъ такъ называемую „толоку“, или помощь. При этомъ они должны только хорошо угостить сосѣдей, которые придутъ помогать безъ всякой платы за свой трудъ. Дорожа скорымъ окончаніемъ работъ, каждый хозяинъ не скупится на угощеніе, и поэтому сосѣди остаются обыкновенно вполне довольными.

Малороссъ любить землю, любить полевою работу. Это—его главное, почти единственное занятіе. Ремесла среди малороссійскихъ крестьянъ мало распространены. Часто въ малороссійской хатѣ можно видѣть ложки, гвозди, веревки и другіе предметы домашняго обихода, но все это — издѣлія великороссовъ.

На ярмаркахъ, которыя часто устраиваются въ Малороссіи, великороссъ - разносчикъ торгуетъ бойко и не жалѣетъ, что издалека принесъ сюда свой товаръ; самъ же малороссъ, напротивъ, очень плохой торговецъ.

Шумно гудитъ толпа на ярмарочной площади. Сколько народу! Съѣхалось населеніе всѣхъ окружныхъ деревень въ большое село, кто покупать, а кто и продавать. Да не только изъ деревень — и изъ города пришли разносчики со своимъ товаромъ, пріѣхали два еврея съ цѣлымъ возомъ всевозможныхъ ситцевъ, кумача и т. д.

Яркое солнце освѣщаетъ группы людей, оживленно разговаривающихъ здѣсь и тамъ; они смѣются, ссорятся. Гдѣ-то заплѣла шарманка прохожаго уличнаго музыканта... Густая толпа собралась около танцующей обезьянки и громко хохочетъ, наблюдая за ея потѣшными гримасами...

Кругомъ—цѣлыя горы товаровъ. Возы съ яблоками, грушами, арбузами... Лотки съ дешевыми сладостями... Масса женщинъ толпится возлѣ еврея, торговца краснымъ товаромъ, а онъ проворными руками разворачиваетъ одинъ за другимъ яркіе ситцы. Вотъ и весельчакъ великороссъ-разносчикъ. На яркомъ солнцѣ сверкаютъ его зеркальца, бусы, ленты и другія мелочи. Онъ умѣетъ разговариваться съ покупателемъ, умѣетъ и сбыть свой товаръ.

Не то—малороссъ. Вотъ виднѣется его крѣпкая фигура возлѣ большого воза съ глиняной посудой. Плохо

идеть его торговля: не умѣеть онъ ни зазвать покупателя, ни расхвалить товара, ни выторговать лишняго пятака.

Часто, впрочемъ, на помощь этому плохому торговцу является его бойкая, смышленная „жинка“. Она любитъ и умѣеть поговорить; среди малороссійскихъ женщинъ встрѣчаются даже очень болтливыя, которыхъ малороссы называютъ „сороками“ и „цокотухами“. Но тутъ это умѣнье говорить живо, бойко приноситъ малороссіянкѣ большую пользу. Покупатель ужъ было махнулъ рукой на ея неразговорчиваго мужа, но вотъ она вмѣшалась, удержала покупателя и затѣяла съ нимъ оживленный торгъ. Не раздражая покупателя, да и себя не обижая, она торгуется бойко, расхваливаетъ свой товаръ, умѣеть показать его лицомъ. Глядишь,—и сторговались, а нѣсколько минутъ назадъ покупатель ужъ совѣмъ было рѣшилъ идти къ другому торговцу.

Но, какъ мы уже говорили, эта бойкая, расторопная хлопотунья отлично уживается со своимъ спокойнымъ, никогда не торопящимся мужемъ. Вообще семейная жизнь у малороссовъ очень дружная и хорошая. Каждый малороссъ всей душой любитъ свой родной уголь, свою милую хату, жену и дѣтей. Особенно отличаются любовью къ дѣтямъ старики. Стараго дѣда, нянчащаго внуковъ, въ Малороссіи можно встрѣтить очень часто. При этомъ занятіи обыкновенно все лицо старика измѣняется, теряетъ свою суровость; добродушная, счастливая улыбка прячется подъ сѣдыми усами; глаза смотрятъ ласково, любовно,—и даже постороннему человѣку понятно, почему дѣти такъ любятъ своего „дѣдусю“. И какихъ только игръ ни придумаетъ старикъ, чтобы потѣшить ребятишекъ! Какъ охотно онъ мяукаетъ, мычитъ, кричитъ пѣтухомъ въ угоду малышу, котораго подбрасываетъ на своихъ старческихъ рукахъ и величаетъ не иначе, какъ „козакомъ“. А кругомъ старика съ веселымъ визгомъ скачутъ другіе внуки, пристають къ нему съ разными просьбами да разспросами. И онъ радъ этому шуму, счастливъ тѣмъ, что дѣти его любятъ, бѣгутъ къ нему дѣлиться всѣми своими радостями и горестями. Онъ ихъ и позабавитъ, и утѣшитъ, и сказку расскажетъ, и игрушку смастеритъ. Неудивительно, что ребятишки льнутъ къ нему со всѣхъ сторонъ.

III

Но не только подъ вліяніемъ любви къ дѣтямъ смягчается суровое лицо малоросса; вообще эта суровость только наружная. На самомъ дѣлѣ большинство малороссовъ отличается мягкимъ, чувствительнымъ характеромъ. Нетрудно ихъ довести до слезъ печальнымъ рассказомъ или пѣсней; они охотно помогаютъ бѣднымъ, особенно же вдовамъ и сиротамъ.

Но, несмотря на добросердечность малороссовъ, ссоры въ ихъ деревняхъ также не рѣдкость. Ссоры происходятъ обыкновенно потому, что малороссы очень упрямы. Недаромъ даже поговорка есть—„упрямъ, какъ хохоль“. Заупрямившійся малороссъ дѣлается чрезвычайно неговорчивымъ и настойчивымъ. Особенно горячи въ ссорахъ женщины, которыя отличаются большею вспыльчивостью и, разсердившись, теряютъ все свое добродушіе.

Малороссы—очень умный и способный народъ, но они размышляютъ также медленно, какъ и говорятъ. Ихъ можно назвать малосообразительными, ненаходчивыми. Поэтому, захваченный врасплохъ какой нибудь неожиданностью, малороссъ часто теряется, не знаетъ, что сдѣлать, и попадаетъ въ смѣшное, а то и въ грустное положеніе.

Объ этомъ неумѣннѣ малоросса во-время смекнуть, что дѣлать, существуетъ много интересныхъ рассказовъ. Такъ, на примѣръ, рассказываютъ, что однажды, еще въ то время, когда Русь грабили татары, три казака увидѣли большую татарскую ватагу. Они рѣшили спрятаться. Одинъ казакъ укрылся за стогъ сѣна, стоявшій на лугу; другой полѣзъ подъ плотину, а третій взобрался на дерево.

Татары быстро приблизились верхомъ на своихъ рѣзвыхъ коняхъ. На лугу стогъ сѣна привлекъ ихъ вниманіе, и они, слѣзши съ коней, принялись теревить сѣно руками, на кормъ скакунамъ.

Сильно досадовалъ на глупость татаръ казакъ, сидѣвшій за стогомъ сѣна. Никогда въ жизни не видѣлъ онъ, чтобы сѣно талили изъ стога руками; это его и

580215M

смѣшило, и злило. Долго онъ сдерживался, наконецъ не вытерпѣлъ и, забывъ объ опасности, крикнулъ: „Да возьми же хоть вилы, что стоятъ возлѣ хаты! Кто же теребить сѣно руками?“

Разумѣется, татары ничего не поняли изъ словъ казака, а тотчасъ же его схватили и стали вязать. Но казакъ яростно отбивался отъ нихъ, и долго его не удавалось скрутить. Наконецъ онъ сталъ ослабѣвать. Тогда товарищъ, сидѣвшій подъ плотиной, желая его ободрить, громко крикнулъ: „Гей, хлопче, не поддавайся!“ Удивленные татары стали оглядываться кругомъ, пошли на голосъ и скоро вытащили второго казака.

А третій все сидѣлъ на деревѣ и старался не выдать себя. Но тутъ, видя связанныхъ товарищей, онъ тоже не выдержалъ и грустно сказалъ: „Эхъ, дурни, дурни, и нужно же было имъ кричать! Молчали бы лучше оба“.

Такъ всѣ три казака попали въ руки дикихъ татаръ, только изъ-за того, что не подумали во-время объ угрожающей опасности и сами выдали себя врагу.

Къ этому же времени татарскаго нашествія относится другой рассказъ въ томъ же родѣ. Дѣло было возлѣ рѣки. Проходя по берегу, малороссъ увидѣлъ скачущаго вдали татарина. Зная жестокость татаръ, онъ поспѣшилъ спрятаться въ высокій тростникъ. Татаринъ, къ счастью, не замѣтилъ его и, сойдя съ коня, остановился, чтобы выпить воды. Увидя, что онъ пьетъ, малороссъ совсѣмъ забылъ свой страхъ и поспѣшилъ сказать обычное привѣтствіе: „Дай, Боже, здоровья пивши!“ Но татаринъ не понялъ смысла этихъ словъ, а поспѣшилъ схватить малоросса и, перекинувъ его черезъ сѣдло, пустился дальше въ путь.

Не менѣе замѣчательна и другая черта характера малороссовъ—ихъ простодушіе. Малороссъ самъ не способенъ никого обмануть и поэтому не подозреваетъ обмана въ другихъ. Къ хорошимъ качествамъ малоросса можно отнести и гостепримство, въ которомъ онъ никому не отказываетъ, особенно же бѣднымъ странникамъ, нищимъ, убогимъ, которые порою стучатся въ окно его хаты.

Малороссы глубоко преданы православной вѣрѣ и

усердно посѣщаютъ церковь. Въ церковь они стараются и одѣться какъ можно чище, какъ можно лучше. „Стыдно идти неряхой въ храмъ Божій“,—говорятъ малороссы, и обязательно каждый изъ нихъ одѣваетъ чистую „билу“ сорочку.

Въ воскресенье, когда народъ собирается въ церковь, можно видѣть праздничныя одежды, которыя у мало россовъ очень красивы. Молодые парни, или, какъ ихъ называютъ здѣсь, „хлопцы“ или „парубки“, одѣваютъ вышитыя сорочки, цвѣтныя кушаки и новыя „свитки“. Но лучше всего одежда молодыхъ дѣвушекъ, или „дивчатъ“. Почти все надѣтое на дѣвушкѣ—работа ея рукъ, и немало труда потратила она на то, чтобы такъ красиво нарядиться. На ней рубашка съ широкими рукавами; и рукава, и грудь, а часто и подоль, вышиты цвѣтной бумагой. Сверхъ ярко-красной или синей юбки надѣтъ вышитый передникъ; длинная кофта—„корсетка“ или „корсетъ“—также обыкновенно яркаго цвѣта, но встрѣчаются и черныя. Голова дѣвушки украшена цвѣтными лентами; на шеѣ красуется множество блестящихъ бусъ, по малороссійски „монисто“. Все это дополняется парой сапогъ, чаще всего красныхъ.

Съ давнихъ поръ въ Малороссіи существуетъ такъ называемое „чумакованіе“. „Чумаками“ называются малороссы, отправляющіеся въ Крымъ за солью или къ морямъ Азовскому и Черному за рыбой. Товаръ чумаки привозятъ или въ свое село, или же объѣзжаютъ ближнія ярмарки. Чумакъ—это малороссійскій купецъ-крестьянинъ; земляки относятся къ нему съ уваженіемъ, такъ какъ опытный чумакъ, видѣвшій много интереснаго во время своихъ поѣздокъ, является человѣкомъ болѣе знающимъ, развитымъ: съ нимъ пріятно побесѣдовать; отъ него можно узнать что нибудь новое.

Въ послѣднее время, впрочемъ, благодаря распространенію желѣзныхъ дорогъ, по которымъ удобно и дешево доставляются всевозможные товары, чумаковъ становится все меньше и меньше.

Не любя уѣзжать изъ роднаго села, чумакъ всегда груститъ, отправляясь въ дальнюю дорогу: пока онъ возвратится назадъ со своими вѣрными волами, которые

замѣняютъ ему въ пути лошадей, въ его хатѣ можетъ случиться какая нибудь бѣда. Но ѣхать всетаки надо,— и чумаки принимаются за сборы въ дорогу. Въ хлопотахъ быстропроходитъ время,—наступаетъ и день отъѣзда.

Раннимъ утромъ чумаки изъ одной, а иногда изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ деревень собираются къ заранѣе назначенному мѣсту. Каждый изъ нихъ везетъ запасъ муки, крупы, сала, кое-какую одежду, иногда и ружье— „рушныцю“—пострѣлять въ степи птицъ. Передъ выѣздомъ чумаки выбираютъ себѣ „отамана“ изъ людей бывалыхъ, опытныхъ. Онъ распоряжается въ пути отдыхомъ, ночлегомъ, выборомъ дороги; остальные должны ему повиноваться.

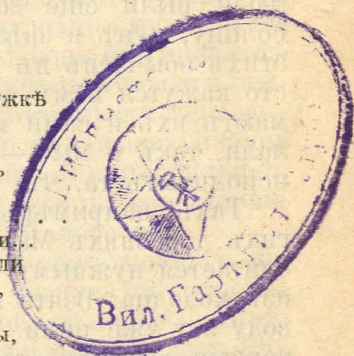
Покончивъ съ этимъ важнымъ дѣломъ, чумаки спѣшатъ помолиться Богу о счастливомъ пути. Съ ними вмѣстѣ молятся и родные, собравшіеся ихъ проводить. На многихъ лицахъ видны слѣды слезъ. Вотъ и послѣднія минуты прощанія. Объятія, благословленія, пожеланія счастливаго пути... Съ трудомъ вырываются чумаки изъ рукъ обнимающихъ ихъ матерей и женъ... Тронулись... Деревня уже осталась позади; кругомъ темный лѣсъ,—и конца ему не видно. Солнце всходитъ, прогоняя утренній холодокъ; золотые лучи пробиваются въ чащу лѣса, падаютъ на дорогу... Вотъ стали рѣдѣть деревья, лѣсъ кончается, а за нимъ, широкая, ярко-зеленая, далеко-далеко раскинулась степь.

Солнце поднимается все выше и выше. Мало по малу степной просторъ, свѣжій воздухъ начинаютъ все болѣе нравиться печальному чумаку. Онъ съ любовью оглядываетъ свою родную степь и бодрѣе двигается дальше... Скрипятъ возы; волю бредутъ все впередъ да впередъ; возлѣ нихъ идутъ чумаки, посасывая свои люльки; Кто-то изъ нихъ запѣлъ, и пѣсня разнеслась далеко въ чистомъ воздухѣ степи.

Особенно отрадны для чумака минуты отдыха, остановки „на попасъ“. Вотъ солнце склоняется къ западу,—надвигается южная темная ночь... Чумаки остановились, пустили воловъ полакомиться сочной травой, а сами расположились вокругъ костра. Дорожный день кончается,—пора отдохнуть, набраться силъ для дальнѣйшаго пути... Прекрасное описаніе ночлега чумаковъ

находится въ стихотвореніи русскаго поэта, Алексѣя Васильевича Кольцова, которое мы приводимъ здѣсь:

Вблизи дороги столбовой
Ночуетъ таборъ кочевой
Сыновъ Украины привольной.
Въ степи и пасмурно, и темно:
Ни звѣздъ блестящихъ, ни луны
На небѣ нѣтъ, и тишины
Ночной никто не нарушаетъ;
Порой проѣзжій лишь играетъ,
И колокольчикъ почтовой,
Звѣня надъ тройкой удалой,
На мигъ молчанье прерываетъ.
Между возовъ огонь горитъ;
На таганѣ котель виситъ;
Чумакъ раздѣтый, бородатый,
Поджавшись, на ногахъ сидитъ
И кашу съ саломъ кипятитъ.
За таборомъ невдалекѣ
Воли удалые пасутся;
Они никѣмъ не стерегутся.
Безпечно предъ огнемъ въ кружкѣ
Хохлы чумазые, сѣдые,
Съ усами хлопцы молодые,
Простершись на травѣ, лежатъ
И въ даль невесело глядятъ...
.....
Но вотъ во тьмѣ игра свирѣли...
Вотъ тихо подъ свирѣль зашѣли
Они про жизнь своихъ дѣдовъ,
Украины вольныя сыновъ...
И какъ тѣ пѣсни сердцу милы,
Какъ выразительны, унылы,
Протяжны, звучны и полны
Преданьями родной страны!

Эти пѣсни скрашиваютъ чумаку дорогу; въ нихъ онъ выражаетъ свои чувства, думы, часто и тоску по родной хатѣ. А тоска эта нерѣдко мучитъ чумака. И самъ не свой онъ становится, какъ начнетъ думать, что у него дѣлается дома. Нападетъ на сердце тревога, жутко станетъ, тяжело... Все бы, кажется, бросилъ, побѣжалъ бы взглянуть поскорѣе, не случилось ли какой бѣды...

Задумается чумакъ,—и не любя ему ни широкая степь, ни темный, густой лѣсъ, ни пѣсни, ни рассказы

товарищей. Грустный сидитъ онъ въ сторонѣ, едва сдерживая напрашивающіяся слезы.

Зато сколько радости приноситъ счастливая минута возвращенія домой. Сколько тутъ веселаго смѣха, шума, поцѣлуевъ, объятій... Съ какимъ облегченіемъ вздыхаетъ чумакъ, очутившись снова въ родной своей хатѣ, среди своей семьи. Это минуты хорошаго, тихаго счастья, которыя не скоро забываются.

IV

У малороссовъ есть множество обычаевъ и обрядовъ, сопровождающихъ каждую важную минуту жизни. Большая часть этихъ обычаевъ и обрядовъ дошла къ нынѣшнимъ малороссамъ со временъ глубокой старины, когда люди были еще язычниками, поклонялись идоламъ, солнцу, лунѣ и звѣздамъ, считая ихъ за боговъ. Смыслъ этихъ обычаевъ въ настоящее время забыть, и они часто кажутся намъ совершенно непонятными. Не понимаютъ ихъ и сами малороссы. „Какъ старые люди дѣлали, такъ и мы“, — говорятъ они и просто по привычкѣ исполняютъ то, что исполняли ихъ отцы и дѣды.

Такъ, на примѣръ, когда родится ребенокъ, во многихъ деревняхъ Малороссіи для купанья его до крестинъ считается нужнымъ нарочно принести воду съ рѣки или изъ колодца. Взять воду изъ кадки нельзя, потому что воду эту уже пили. Когда собираются нести ребенка въ церковь крестить, то, если это мальчикъ, его пеленаютъ въ рубаху отца; если же дѣвочка — въ рубаху матери. Рубаху разрѣзываютъ въ трехъ мѣстахъ и зашиваютъ въ нее кусочекъ глины отъ печки, уголекъ и мелкую монету. Для чего это дѣлается, многіе малороссы совсемъ не знаютъ; нѣкоторые же говорятъ: „отъ злого духа“, „отъ злого глаза“.

Послѣ крестинъ устраивается обыкновенно угощеніе. Малороссы вообще гостеприимны и охотно раскошеляются на угощеніе. А такъ какъ крестины — одно изъ семейныхъ торжествъ, то тутъ часто устраивается цѣлая пирушка. Обыкновенная пища малороссовъ очень проста и незатѣйлива: мучныя купанья, овощи, пустой борщъ; не то — въ праздникъ или при гостяхъ: тутъ по-

даютъ на столъ свинину, молочную кашу, лапшу съ курятиной, борщъ съ мясомъ, любимые малороссами гречаные вареники съ творогомъ. Многія кушанья приготовляются съ саломъ, которое также очень любятъ малороссы. Къ столу подается, кромѣ того, водка, „горілка“, иногда и „варенуха“ — особая настойка на ягодахъ.

Мы перечислили здѣсь только нѣкоторыя малороссійскія кушанья, — всѣхъ ихъ очень много. Но, во всякомъ случаѣ, при крестинахъ, свадьбѣ, въ праздники малороссійскія хозяйки стараются накормить гостей какъ можно лучше, что имъ всегда и удается.

Весело проходитъ вечеръ послѣ крестинъ, — много тутъ шума, смѣха, пѣсень; но еще веселѣе справляется свадьба, которую обыкновенно празднуютъ нѣсколько дней.

Передъ свадьбой у невѣсты собираются подруги, устраивается дѣвичникъ. Это — прощаніе невѣсты съ подругами, съ дѣвичьимъ житьемъ. Пѣсни не умолкаютъ весь вечеръ, и подѣ эти пѣсни дѣвушки убираютъ лентами, цвѣтами и разными украшеніями вѣтку дерева — зимою сосноваго, лѣтомъ яблониноваго или какого нибудь другого. Эта вѣтка называется „вильце“ или „гильце“. Убирание ея въ дѣвичникъ — тоже одинъ изъ старинныхъ обычаевъ, сохранившихся въ Малоросси.

Пѣсни, которыя поютъ въ этотъ вечеръ подруги невѣсты, довольно печальны: тутъ и разлука съ отцомъ, матерью, и сожалѣніе о веселой дѣвичьей долѣ. Также печальны и тѣ пѣсни, которыя поетъ невѣста. Но, несмотря на то, вечеръ этотъ все же веселый; особенно весело становится послѣ того, какъ пріѣзжаетъ женихъ съ товарищами, привозитъ съ собой подарки и сласти. Тутъ дѣвушки начинаютъ пѣть ему пѣсни; онъ же одѣляетъ ихъ лакомствами.

Еще болѣе печальныя пѣсни поются въ день свадьбы, когда невѣстѣ расплетаютъ косу. Невѣста въ своей пѣснѣ проситъ прощенія у отца съ матерью за то, что, видно, мало работала на нихъ, оттого-то они хотятъ отдать ее „въ чужіе люди“. Таковы пѣсни; а „изъ пѣсни — какъ говорятъ — слова не выкинешь“, — поэтому часто невѣста поетъ такъ грустно, несмотря на то, что идетъ замужъ по своей охотѣ, и никто ея не неволитъ.

Но вотъ уже время отправляться въ церковь. Длинная вереница народу, собравшагося на свадьбу, растягивается по дорогѣ. Впереди идутъ подружки невѣсты, несутъ свѣчи и медь; за ними — женихъ и невѣста, а затѣмъ гости. Всю дорогу въ церковь и обратно поютъ пѣсни, но уже веселыя, свадебныя. Пѣсня вообще не умолкаетъ всѣ дни, пока продолжается веселье; а оно такъ и кипитъ. Тутъ и музыка, которую зоветъ женихъ, и пляска, и обильное угощеніе... Веселятся отъ души и молодые, и старые, радуясь случаю отдохнуть отъ ежедневныхъ заботъ.

Отъ веселой свадьбы мы должны перейти къ печальнымъ похоронамъ. Когда въ малороссійской семьѣ ктонибудь умираетъ, его кладутъ подъ стѣной, возлѣ оконъ. Въ головахъ покойника ставятъ свѣчку, а на окнѣ — ковшъ съ чистой водой. У малороссовъ еще до сихъ поръ сохранилось старинное суевѣріе, будто бы душа покойника пьетъ поставленную ей воду.

Гробъ для покойника, „домовину“, дѣлаютъ сосѣди, которыхъ для этого созываютъ родные. Отъ этой работы никто не отказывается; каждый считаетъ своимъ долгомъ отозваться на просьбу родныхъ, надѣясь, что и ему когданибудь послужатъ добрые люди.

Женщины, родственницы покойнаго, собираются причитать надъ нимъ, голосить. „Голосины“ — это тоже пѣсни, гдѣ вспоминаютъ покойника, жалѣютъ объ его смерти. Поются эти пѣсни протяжно, со слезами, и производятъ очень грустное впечатлѣніе.

Такъ, напримѣръ, сестра плачетъ объ умершемъ братѣ:

Братуку, мое сонечко!
Братуку, мой мѣсяцъ ясный!

У якую ты пишовъ дороженьку —
Чи до чистаго поля,
Чи до синяго моря,
Чи до чирвоной калыны,
Чи до черной могилы?

По русски эта пѣсня значить: „Братикъ, мое солнышко, братикъ, мой ясный мѣсяцъ!.. Въ какую ты пошелъ дороженьку — къ чистому ли полю, или къ синему морю, или къ красной калинѣ, или къ черной могилѣ?“

Всѣ другія „голосины“—въ этомъ же родѣ. Ихъ очень много: въ однѣхъ оплакивается смерть отца; въ другихъ—матери, брата, сестры и т. д.

Послѣ похоронъ бывають поминки.

Праздники въ Малороссіи справляются весело и шумно и также сопровождаются многими непонятными обычаями. Особенно любить праздники молодежь, радуясь возможности повеселиться вволю. Подъ рождество ходять „колядовать“ подъ окнами, желаютъ хозяевамъ всякихъ благъ. Хозяева за это награждаютъ колядующихъ разными подарками: колбасами, хлѣбомъ, саломъ и т. д. Молодежь, собравъ много всякихъ припасовъ, устраиваетъ вечеринку, гдѣ и пляшетъ до упаду.

Но самый веселый и самый замѣчательный праздникъ въ Малороссіи—это такъ называемый И в а н ь К у п а л а. Празднуется ночь подъ Ивана Купала, 23-го іюня. Повидимому, это празднество—очень старинное, но до сихъ поръ оно такъ любимо молодежью, что, вѣрно, еще долго будетъ существовать въ Малороссіи.

Масса преданій сохранилась въ народѣ о ночи подъ Ивана Купала. Въ эту ночь будто бы легко найти кладъ, даже „заговоренный“; въ эту ночь происходятъ разныя чудеса, какъ, напримѣръ, цвѣтеть папоротникъ и др. Конечно, въ дѣйствительности ничего подобнаго нѣтъ, и ночь эта—такая же, какъ всѣ другія; но для малоросса она полна особенной таинственной прелести.

Какъ только стемнѣетъ, вся молодежь высыпаетъ къ рѣкѣ. Въ темнотѣ прохладной іюньской ночи ярко пылають костры, разведенные хлопцами. Далекое разносятся звуки „купальскихъ“ пѣсень, отдаются эхомъ за рѣкой... На берегу шумно и весело. Вотъ, взявшись за руки, одна пара за другой прыгаютъ черезъ костры. Если во время прыжка руки не разнимутся—это хорошій знакъ; если же разнимутся—быть бѣдѣ...

Это гаданье очень любятъ „парубки“, но дѣвушки предпочитаютъ другое. Съ пѣснями располагаются онѣ на берегу; каждая держитъ заранѣе сплетенный вѣнокъ, къ которому прикрѣплена свѣчка. Пустивъ вѣнокъ на воду, гадающая дѣвушка трепетно слѣдитъ за нимъ глазами: въ немъ—ея судьба, и потому, если вѣнокъ уто-

нетъ, дѣвушка становится печальной; она вѣрить, что ее ждетъ близкое горе.

Какъ мы уже говорили, всѣ праздники, всѣ торжества у малороссовъ сопровождаются пѣніемъ. Малороссъ любить пѣть и поетъ постоянно: поетъ въ радости, въ горѣ, поетъ и отдыхая, и за работой. Поютъ какъ молодые, такъ и пожилые люди. Но особенно любить малороссъ послушать „бандуриста“ или „кобзаря“. Бандуристъ—обыкновенно слѣпой нищій, который поетъ, играя въ то же время на малороссійскомъ инструментѣ—бандурѣ. Въ сопровожденіи мальчика—подоыря—такой бандуристъ ходитъ изъ деревни въ деревню, всюду встрѣчая ласку и радушіе.

Было время, когда среди этихъ бандуристовъ встрѣчались удивительные пѣвцы. Слава о нихъ распространилась по всей Малороссіи, и они пользовались громаднымъ уваженіемъ среди народа. Теперь эти прекрасные пѣвцы почему-то исчезли, а съ ними постепенно исчезли изъ памяти народа многія чудныя пѣсни. Особенно любили прежніе бандуристы историческія пѣсни, большею частью изъ временъ казачества. Эти пѣсни называются думами.

Но не всѣ думы утратились: многія изъ нихъ были во-время записаны учеными людьми и, благодаря этому, сохранились. Мы приведемъ здѣсь въ краткомъ изложеніи одну изъ этихъ пѣсень, которую пѣлъ знаменитый слѣпой кобзарь Остапъ Вересай. Пѣсня эта называется:

Дума о томъ, какъ три брата изъ Азова убѣгали

Ой то не пыли пылили, не туманы вставали,—изъ земли турецкой, изъ города Азова, три брата убѣгали: два конныхъ, одинъ пѣшій. Конные братья ѣдутъ быстро, а пѣшій, бѣдняга, не можетъ за ними поспѣть и жалобно ихъ упрашиваетъ: „Стойте вы, братцы, коней попасите, меня подождите, съ собой возьмите, до городовъ христіанскихъ хоть мало подвезите; пусть я буду знать, какъ мнѣ дорогу къ отцу-матери сыскать“.

Но братья не соглашаются на его просьбу и отвѣчаютъ, что, если возьмутъ его, то сами погибнутъ, да

и онъ съ ними, такъ какъ ихъ можетъ настигнуть погоня изъ-за того, что надо будетъ ѣхать медленнѣе.

Тогда бѣднякъ просить братьевъ убить его, но они не соглашаются. „Этого, братъ, сроду нигдѣ не слышали, чтобы родною кровью сабли обливали“.

Они совѣтуютъ брату прятаться отъ погони по кустамъ и общають бросать ему примѣты по дорогѣ.

И поѣхали старшіе братья, а меньшій пошелъ пѣшкомъ одинокій. Вотъ видитъ онъ по дорогѣ примѣты, которые бросали братья; со слезами прижимаетъ онъ эти примѣты къ сердцу и идетъ все дальше и дальше.

Между тѣмъ конные братья выѣхали на ровное мѣсто,—нѣтъ здѣсь ни куста, ни терновника: негдѣ будетъ спрятаться пѣшему брату. Сталь тутъ средній угоривать старшаго подождать, пока придетъ младшій. „Хоть часокъ подождемъ, на своихъ коней возьмемъ, до городовъ христіанскихъ доведемъ!“

Но не согласился на это старшій братъ: „Или мало тебѣ въ турецкой неволѣ горя досталось? Или кандалы мало тебѣ въ руки вѣдалися?“—спрашиваетъ онъ.

И поѣхали братья дальше. Только средній братъ, который былъ добрѣе старшаго, сталь изъ своего кафтана красную китайку вырывать да по степи разбрасывать.

А меньшей братъ какъ вышелъ въ степь, какъ увидѣлъ красную китайку, такъ и залился горькими слезами, говоря: „Должно быть, моихъ братьевъ на свѣтъ не стало“.

А самому ему все труднѣе да труднѣе становится идти. Постигли его въ полѣ три недоли: безводье, безхлѣбье и буйный вѣтеръ.

Вотъ прибѣжалъ онъ на высокій курганъ и свалился съ ногъ. Стали къ нему собираться волки-сѣроманцы да орлы чернокрыльцы. И просить ихъ бѣднякъ: Волки-сѣроманцы, орлы-чернокрыльцы, хоть мало-немного подождите, пока душа козацкая съ тѣломъ разстанется“.

Недолго пришлось ждать волкамъ и орламъ: умеръ скоро бѣднякъ, и стали они изо лба его глаза выдирать, стали мясо съ костей его пожирать, по оврагамъ таскать и тамъ въ землю кости зарывать.

А старшіе братья уже далеко уѣхали. И сталь тутъ

старшій братъ среднему говорить: „Станемъ, братецъ, тутъ; коней попасемъ, подождемъ, пока солнышко подыметъ,—не прибудетъ ли нашъ пѣшій пѣхотинецъ,—тогда я лишнюю ношу побросаю, а его, пѣшаго, на коня посажу“.— „Тогда бы было, какъ я говорилъ, его подождать,—отвѣчаетъ средній братъ,—а теперь ужъ девятый день, какъ онъ хлѣбъ-соль ѣлъ и воду пилъ,—теперь его ужъ на свѣтъ не стало“.

Ждали братья, ждали; не дождались—и поѣхали дальше. И сталъ старшій среднему говорить: „А что мы отцу съ матерью о меньшомъ братѣ скажемъ?“ И рѣшили они сказать, что братъ не захотѣлъ изъ неволи бѣжать,—остался тамъ ждать своего счастья.

Но не удалось братьямъ добраться до дому: не успѣли они такъ порѣшить, какъ изъ-за кургана напали на нихъ турки, пострѣляли ихъ, порубали, а коней съ добычей назадъ въ турецкую землю увели.

Пѣсенъ малороссійскихъ чрезвычайно много. Ихъ считаютъ не десятками, не сотнями, а тысячами. Въ эти пѣсни малороссъ вложилъ свой умъ, любовь ко всему красивому,—и онѣ лучше всего показываютъ, насколько малороссы способный народъ. Хороша веселая пѣсня малороссовъ, но еще лучше—грустная. И такихъ пѣсенъ—больше. Разлука, тоска матери о сынѣ или жены о мужѣ, печальная доля—вотъ о чемъ поется въ этихъ пѣсняхъ, которыя глубоко проникаютъ въ сердце слушателя.

Въ пѣсняхъ этихъ отражается сострадательность малоросса къ чужому горю, его привязанность къ родной семьѣ, къ своей хатѣ, любовь къ прекрасной украинской природѣ. Въ нихъ воспѣлъ онъ красоту синихъ водъ Днѣпра, широкую зеленую степь, темный лѣсъ съ немолчнымъ говоромъ его деревьевъ... Вся душа малоросса вылилась въ этихъ пѣсняхъ, которыя и по содержанію, и по красивымъ своимъ напѣвамъ составляютъ цѣлое народное богатство.

124
5

17 ✓

n/a

A24510

